

**Общее понимание категорий «символ» (*τὸ σύμβολον*) и «образ» (*ἡ εἰκὼν*)
в Ареопагитском корпусе**

В научной литературе, затрагивающей тематику символизма и образности в Ареопагитском корпусе, обнаруживается дискуссионность вопроса о соотношении в данном произведении понятий «символ» (*σύμβολον*) и «образ» (*εἰκὼν*). Так, по мнению К. Станчева, символ (*σύμβολον*) в «Корпусе» является синонимом понятия «образ» (*εἰκὼν*), но при этом подчиняется ему, так как служит лишь более полному и многостороннему раскрытию содержания последнего¹. Напротив, согласно В. В. Бычкову, символ в Ареопагитиках – это наиболее общая категория, включающая в свое семантическое поле почти на правах синонимов понятия «образ», «знак», «изображение», «прекрасное»², при этом, например, знак и образ рассматриваются как формы содержания знания в символе³. Данные исследования П. К. Доброцветова также, на наш взгляд, позволяют сделать вывод о главенстве категории «символ» (*σύμβολον*), наряду с понятием «анагоге» (*ἀναγωγή*), в символично-аллегорической терминологии Ареопагитик. При этом различные символично-аллегорические понятия, используемые в «Корпусе», в том числе и «образ» (*εἰκὼν*), отражают, согласно логике автора, те или иные аспекты целостной реальности символа⁴. Отметим, что представленные точки зрения по вопросу соотношения понятий «символ» и «образ» в «Корпусе» не сопровождаются более или менее подробной аргументацией и, как правило, проговариваются авторами «на втором плане» в контексте рассмотрения других вопросов теории символа или образа в Ареопагитиках: богословско-онтологических оснований символа или образа, их функций и т. п. В связи с этим востребованным оказывается подробное и аргументированное исследование указанного вопроса. Тем более что детальное сравнение по-

¹ Станчев Красимир. Концепцията на Псевдо-Дионисий Ареопагит за образното познание и нейното разпространение в Средновековна България. // Старобългарска литература, № 3. София, 1978. С. 66, 74.

² Бычков В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetika. В 2-х тт. Том 1. Раннее христианство. Византия. М.-СПб., 1999. С. 335.

³ Там же, С. 337.

⁴ Доброцветов П. К. Аллегореза и символизм как богословско-философский метод Ареопагитик. Сергиев Посад: МДС, 2007. С. 26-32, 39-40. См. также диссертацию того же автора на соискание степени кандидата философских наук: Доброцветов П. К. Аллегореза и символизм как философский метод в поздней патристике («Ареопагитики», преп. Максим Исповедник). М.: МГУ, 2005. Хотя указанная первой работа с точки зрения научной разработки символизма именно Ареопагитик является расширенной и более детальной.

нения «символ» с таким наиболее близким, и даже, по утверждению некоторых исследователей, синонимичным ему понятием «образ», позволит существенно уточнить специфику общего понимания символа автором Ареопагитик. А это, в свою очередь, является необходимым основанием для решения других вопросов теории символа в «Корпусе».

Прежде всего, следует отметить количественный приоритет понятий «символ» (*σύμβολον*) и «образ» (*εἰκών*) в символично-аллегорической терминологии Ареопагитик⁵. Согласно данным последнего тезауруса по Ареопагитикам⁶, системы быстрого поиска электронной библиотеки TLG⁷, и регистра слов новейшего критического издания «Корпуса»⁸ *σύμβολον* и *εἰκών* по общему количеству употребления значительно⁹ опережают другие символично-аллегорические термины¹⁰: *σύμβολον* (91), *εἰκών* (71 [77]), *ἀνάπλασις* (15 [14]) (видимая репрезентация невидимых реальностей¹¹), *σύνθημα* (5) (условный знак), *χαρακτήρ* (7 [8]) (буквально след, начертание), *τύπος* (28) (образ как внутренний мысленный образ или представление), *ἀρχετύπος* (12 [11]) (первообраз), *τὰ ἐκτυπώματα* (5 [4]) (отпечатки умопостигаемого), *ἀποτυπώματα* (12 [11]) (букв. оттиски, образы духовного мира в материальном мире), *παραβολή* (1) (притча), *τὰ ἀγάλματα* (8) (изображения), *σημείον* (6) (знак, обозначение), *σχήματα* (15), *σχηματισμοί* (2) (образы, виды), *μόρφωσις* (10 [11]) (образ как материально-чувственное изображение), *μορφώματα* (4) (отображения), *μορφοποιίαι* (5)

⁵ Под символично-аллегорической терминологией мы понимаем совокупность понятий, отражающих в «Корпусе» различные аспекты явления и обнаружения высших порядков бытия и Самого Бога в реальности низших порядков, т. е. термины, так или иначе связанные с тематикой *означающего* (образ разного рода, в качестве которого может выступать любой чувственный или умопостигаемый предмет), *означаемого* (чаще всего, смысл, умопостигаемая реальность (тварная или нетварная) и т. д.) и *созерцателя (реципиента)* (субъект, воспринимающий и познающий означаемое посредством означающего).

⁶ Thesaurus Pseudo-Dionysii Areopagitae: versiones latinae cum textu graeco. Brepols–Turnhout, 1995. P. 223, 224, 225, 227, 230, 231, 233, 234.

⁷ TLG2798: Pseudo-DIONYSIUS AREOPAGITA Scr. Eccl. et Theol. vel Corpus Areopagiticum, vel Corpus Dionysiacum (A.D. 5-6: fort. Syrius). Данные, полученные посредством системы быстрого поиска в электронной библиотеке TLG иногда отличаются (отличия преведены в квадратных скобках) от приведенных в указанном тезаурусе и применительно к словам *σύμβολον* и *εἰκών* являются более точными, так как проверены нами в каждом отдельном случае употребления в «Корпусе» этих двух слов и их производных.

⁸ Corpus Dionysiacum. II. Pseudo-Dionysius Areopagita. De coelesti hierarchia. De ecclesiastica hierarchia. De mystica theologia. Epistulae. Herausgegeben von Günter Heil und Adolf Martin Ritter. Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1991 (Patristische Texte und Studien, 36). P. 269, 270, 272, 273, 274, 278, 281, 289, 295, 296, 297. Отметим, что регистр слов данного критического издания хотя и указывает почти все ссылки на текст «Корпуса» для подавляющего количества интересующих нас слов, но все же, кое-что опускает. Такое же замечание, но еще в большей степени, можно высказать по поводу следующего индекса по Ареопагитикам: Daele A. Indices Pseudo-Dionysiani. Louvain, 1941. 159 p.

⁹ Исключение составляет лишь слово *τύπος*, количество употреблений всех производных которого, как мы видим, в сумме составляет 54 (*τύπος* (28)+ *ἀρχετύπος* (11)+ *τὰ ἐκτυπώματα* (4)+ *ἀποτυπώματα* (11)).

¹⁰ В понимании перечня основных элементов символично-аллегорической терминологии Ареопагитик мы основываемся на данных работы П. К. Доброцветова (см.: Доброцветов П. К. Аллегореза и символизм как богословско-философский метод Ареопагитик. Сергиев Посад: МДС, 2007. С. 26-30). Также см.: Бычков В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetika. В 2-х тт. Том 1. Раннее христианство. Византия. М.-СПб., 1999. С. 335.

¹¹ В указанной работе П. К. Доброцветова значения приводимых слов даются по контексту их употребления в Ареопагитском корпусе, а не по обычным греческо-русским словарям.

(образы, изображения), *σωματοποιία* (1) (телесные изображения), *ἀπεικονίσματα* (3) (отображения), *αἰνίγμα, αἰνίγματα* (9) (образ как «гадания»), *ιεροπλαστία* (священно-измышление) (*ἀνόμοια ιεροπλαστία* [1] (неподобное священноизмышление), *ποιητικὰ ιεροπλαστία* [1] (созданное священноизмышление)), *ἀναγωγικὴ ἱερογραφία* [1] (возводительные священнописания), *ἔσοπτρα* [4] (гадания).

Кроме выявленного количественного приоритета *σύμβολον* и *εἰκὼν* в символично-аллегорической терминологии Ареопагитик, в «Корпусе», на наш взгляд, отчетливо прослеживается их качественное преимущество над другими терминами данного категориального аппарата.

Так, для обобщенного именованя способа и конкретных феноменов явления высших порядков иерархии бытия и Бога в низших (определенным способом рассматриваемые образы Священного Писания и, вообще, предметы тварного мира, Таинства Церковной иерархии) Ареопагит в подавляющем большинстве случаев использует *σύμβολον* и, реже – *εἰκὼν*. Например, Таинства Церковной иерархии, включая Евхаристические Дары¹² (ЕН 3.3.9,10; ЕН 3.3.12 и т. д.), автор обычно называет *σύμβολα* (ЕН 2.1; ЕН 2.3.1; ЕН 2.3.5 и т. д.). Гораздо реже¹³, в тексте также встречается их именованя как *ἀκριβεῖς εἰκόνας* («точные изображения») (ЕН 2.3.6) или просто *εἰκόνες* (ЕН 2.3.2 и др.). *Σύμβολον* и *εἰκὼν* используются применительно к образам Священного Писания¹⁴, а *σύμβολον* – также применительно к самому способу явления в них Бога и ангельских иерархий¹⁵.

¹² Отметим, что Евхаристические Дары Дионисий называет Символами и до освящения (ЕН 3.3.9,10) и после (ЕН 3.3.12), а само священнодействие именуется символическим (ЕН 3.3.12). Ср. *Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. OXFORD, 1961. P. 1282.*

¹³ На это косвенно указывает статистика преимущественного по сравнению с *εἰκὼν* употребления *σύμβολον* в трактате «О Церковной иерархии» (45 против 33) (*Thesaurus Pseudo-Dionysii Areopagitae: textus graecus cum translationibus latinis. Vrepols–Turnhout, 1993. P. 35, 87.*)

¹⁴ В трактатах «О Божественных именах» и «О Небесной иерархии», а также в «Посланиях», которые во многом основаны на истолковании образов Священного Писания, *σύμβολον* и *εἰκὼν* употребляются более равномерно, чем в «Церковной иерархии» (43 и 38) (*Ibid.*).

¹⁵ Как, например, в следующем, на наш взгляд, программном симвоологическом высказывании, предваряющем основную часть трактата «О Небесной Иерархии»:

«Οὐκοῦν Ἰησοῦν ἐπικαλεσάμενοι, τὸ πατρικὸν φῶς, τὸ ὄν «τὸ ἀληθινόν, ὃ φωτίζει πάντα ἄνθρωπον ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον», δι' οὗ τὴν πρὸς τὸν ἀρχιφῶτον πατέρα προσαγωγὴν ἐσχήκαμεν, ἐπὶ τὰς τῶν ἱεροτάτων λογίων πατροπαράδοξους ἐλλάμψεις ὡς ἐφικτὸν ἀναγεύσωμεν καὶ τὰς ὑπ' αὐτῶν συμβολικῶς ἡμῖν καὶ ἀναγωγικῶς ἐκφανθείσας τῶν οὐρανίων νοῶν ἱεραρχίας ὡς οἶόν τε ἔσμεν ἐποπτεύσωμεν καὶ τὴν ἀρχικὴν καὶ ὑπεράρχιον τοῦ θεαρχικοῦ πατρὸς φωτοδοσίαν, ἣ τὰς τῶν ἀγγέλων ἡμῖν ἐν τυπωτικῶς συμβόλοις ἐκφαίνει μακαριωτάτας ἱεραρχίας, αὐλοῖς καὶ ἀτρεμέσι νοῶς ὀφθαλμοῖς εἰσδεξάμενοι πάλιν ἐξ αὐτῆς ἐπὶ τὴν ἀπλήν αὐτῆς ἀναταθῶμεν ἀκτίνα».

«Итак, призыв Иисуса, Отчий Свет, сущий, «истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир», через Которого получили мы доступ к светоначальному Отцу, восклонимся, насколько это возможно, ввысь к переданным отцами осияниям священнейших Речений и, сколько есть сил, будем созерцать ими для нас **символически** и возводительно открытые иерархии небесных умов; и начальное и сверхначальное светодавание богоначального Отца, показывающее нам **в изобразительных символах** (всюду выделено нами. – *B. A.*) блаженнейшие иерархии ангелов, невещественными и недрожащими очами разума восприняв, вновь от него устремимся к простому его сиянию» (*Pseudo-Dionysius Areopagita. De coelesti hierarchia 1.2 (7, 9 – 8, 5; PG 3, 121AB; 38).* Ссылки даются, одновременно, на новейшее критическое издание текста (*Corpus Dionysiacum. I. Pseudo-Dionysius Areopagita. De divinis nominibus. Herausgegeben*

При этом другие понятия символично-аллегорической терминологии Ареопагитик напрямую и вне связи с *σύμβολον* и *εἰκόν* почти не применяются автором к ключевым сакральным предметам его универсума (мир, Писание, Таинства) и чаще всего используются для именования и раскрытия тех или иных отдельных сторон, характеристик и признаков символа¹⁶.

Например, объясняя, почему в выявлении Божественного и небесного необходимо «выявляющие символы» (*ἐν ποικιλίᾳ τῶν ἐκφαντορικῶν συμβόλων*)¹⁷, автор «Корпуса» в одном предложении использует сразу несколько из приведенных выше терминов для описания многогранной и антиномичной символической реальности:

«Причиной же того, что с достаточным основанием выставляются изображения неизобразимого (*τῶν ἀτυπώτων οἱ τύποι*) и виды безвидного (*τὰ σχήματα τῶν ἀσχηματίστων*), можно называть не только присущую нам неспособность непосредственно достигать умственных созерцаний и нужду в возведении к ним с помощью свойственного и сродного нам, каковое предлагает доступные нам формы для созерцания бесформенного (*αἱ τὰς ἐφικτὰς ἡμῖν μορφώσεις... τῶν ἀμορφώτων*) и нас превосходящего, но и то, что мистическим Речениям более приличествует скрывать с помощью умолчаний и священных загадок (*δι' ἀπορρήτων καὶ ἱερῶν αἰνιγμάτων*) и держать недоступным для многих священную, тайную и сверхмирную истину небесных умов»¹⁸.

Очевидно, что в данной цитате более характерное для Ареопагита *σύμβολον* заменяется различными синонимичными словосочетаниями («изображения неизобразимого», «виды безвидного», «формы бесформенного», «священные загадки» (одновременно, и скрывающие, и возводящие)) с целью целостного раскрытия многообразных антиномичных граней символа, соответствующих различным аспектам чувственного бытия и человеческой деятельности, которые призваны являть в себе абсолютно неявляемое и трансцендентное.

---

von Beate Regina Sushla. Verlag Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1990 (Patristische Texte und Studien, 33); Corpus Dionysiacum. II. *Pseudo-Dionysius Areopagita*. De coelesti hierarchia. De ecclesiastica hierarchia. De mystica theologia. Epistulae. Herausgegeben von Günter Heil und Adolf Martin Ritter. Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1991 (Patristische Texte und Studien, 36)), на Патрологию Ж.-П. Миня (*Migne J.-P. Patrologia Graeca*. Т. IV. Paris, 1857. Col. 16-1120; *Migne J.-P. Patrologia Graeca*. Т. III. Paris, 1857. Col. 199-1120) и на билингву, содержащую греческий текст и параллельный перевод, выполненный Г. М. Прохоровым (*Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника*. СПб., 2003). Ареопагитский корпус цитируется в переводе Г. М. Прохорова с изменениями, которые не оговариваются.

¹⁶ Это, в частности, можно увидеть в приведенной выше цитате на примере слова *τυπωτικός* (от *τύπος*). В данном случае *τυπωτικός* раскрывает один из аспектов символа, а именно активное впечатление (букв. «отпечатывание») высшей реальности в материи реальности низшей в виде того или иного образа.

¹⁷ *Dionysius Areopagita*. De coelesti hierarchia 2.1 (10, 8; PG3, 137A; 46).

¹⁸ «Ὅτι μὲν γὰρ εἰκότως προέβλεπται τῶν ἀτυπώτων οἱ τύποι καὶ τὰ σχήματα τῶν ἀσχηματίστων, οὐ μόνον αἰτίαν φαίη τις εἶναι τὴν καθ' ἡμᾶς ἀναλογίαν ἀδυνατοῦσαν ἀμέσως ἐπὶ τὰς νοητὰς ἀνατείνεσθαι θεωρίας καὶ θεομένην οἰκείων καὶ συμφυῶν ἀναγωγῶν, αἱ τὰς ἐφικτὰς ἡμῖν μορφώσεις προτείνουσι τῶν ἀμορφώτων καὶ ὑπερφυῶν θεαμάτων, ἀλλ' ὅτι καὶ τοῦτο τοῖς μυστικοῖς λόγοις ἐστὶ προπωδέστατον τὸ δι' ἀπορρήτων καὶ ἱερῶν αἰνιγμάτων ἀποκρύπτεσθαι καὶ ἄβυστον τοῖς πολλοῖς τιθέναι τὴν ἱερὰν καὶ κρυφίαν τῶν ὑπερκοσμίων νοῶν ἀλήθειαν» (Ibid. 2.2 (11, 11-19; PG3, 140AB; 52)).

Таким образом, исходя из представленных количественных и качественных аргументов, можно сделать предварительный вывод о главенстве понятий «*σύμβολον*» и, в гораздо меньшей степени, «*εἰκὼν*» в символично-аллегорической терминологии Ареопагитик.

Далее, прежде чем приступить к представлению дионисиевского понимания *σύμβολον* и *εἰκὼν*, необходимо отметить что Ареопагитики – это не научное исследование, в том виде как мы его понимаем сейчас. Это богословское произведение, написанное в диалоговой форме учительных посланий к конкретным лицам и имеющее ярко выраженные поэтические пафос и стилистику. Поэтому в «Корпусе» нет понимания и употребления терминов в современном строго научном, т. е. однозначном, смысле; нет четких определений, но преобладают развернутые описания, в которых, однако, по нашему мнению, обнаруживаются устойчивые тенденции словоупотребления, которые позволяют понять и обрисовать тот смысл, часто антиномичный и многогранный, который автор вкладывает в то или иное слово¹⁹.

Общий контекст употребления слов *σύμβολον* и *εἰκὼν* в Ареопагитиках можно определить как явление высших уровней бытия (вплоть до нетварных Божественных энергий) в низших через какие-либо чувственные или умопостигаемые средства (предметы и существа чувственного и ангельского миров, образы и понятия Священного Писания, Таинства Церковной иерархии и т. п.), которые при этом дают возможность непосредственного и неповторимого, соответственно своему уровню и состоянию, приобщения каждого низшего уровня к высшему и, в конечном счете, к полноте Божества. Или, по-другому, возведение или восхождение низших уровней бытия соответствующим им образом к высшим уровням и к единству Богоначалия; или энергийное взаимопроникновение, взаимообщение и взаимоуподобление уровней. Этот контекст Дионисий задает в первой главе «Небесной Иерархии»²⁰ и далее детально его разрабатывает.

---

¹⁹ Для выявления этих тенденций мы воспользовались методом контекстного анализа, который реализовывался следующим образом:

1. Поиск и анализ всех случаев употребления в «Корпусе» интересующих нас слов;
2. Выявление общего контекста их употребления;
3. Выявление смысловых оттенков слов *σύμβολον* и *εἰκὼν* через анализ их частеречной принадлежности и тех лексических единиц, с которыми используются анализируемые слова;
4. Построение на основании выявленных смысловых оттенков порядковой и номинальной шкал признаков;
5. Количественное вычисление относительного (относительно общего числа случаев употребления слова в Ареопагитиках) употребления *σύμβολον* и *εἰκὼν* с тем или иным смысловым признаком;
6. Построение диаграмм и интерпретация результатов.

²⁰ *Pseudo-Dionysius Areopagita. De coelesti hierarchia I* (7, 3 – 9, 15; PG3, 120B - 124A; 36-44).

Анализ вариаций этого общего контекста через рассмотрение частеречной принадлежности слов *σύμβολον* и *εἰκόν* и окружающих их лексических единиц позволил нам выделить их основные смысловые оттенки – признаки.

Признаки, характеризующие в большей степени природу символа и образа, мы объединили в порядковую шкалу, предполагающую некоторые отношения порядка признаков. Принципом этих отношений, ввиду чувственно-духовной двусоставности контекста функционирования предметов, представляемых исследуемыми понятиями, был избран принцип последовательного чередования признаков от чувственности, материальности и тварности до сверхчувственности, таинственности и божественности, через промежуточные – отображение, священность, святость, богословие и др. Последние занимают среднее положение, так как отражают, либо результат, либо сам факт, соприсутствия и взаимодействия чувственного, тварного с умопостигаемым, Божественным (табл. 1).

Таблица 1

Признаки природы символа и образа

№ признака	Признак	Понятие (общее количество употреблений в тексте)					
		<i>τὸ σύμβολον</i> (91)			<i>ἡ εἰκόν</i> (77)		
		Трактат, страница, строка (критическое издание) или страница (греческий текст билингвы) ²¹	Кол-во употреблений в тексте	Относительное употребление, %	Трактат, страница, строка (критическое издание) или страница (греческий текст билингвы)	Кол-во употреблений в тексте	Относительное употребление, %
1	2	3	4	5	6	7	8

²¹ Критическое издание: Corpus Dionysiacum. I. *Pseudo-Dionysius Areopagita*. De divinus nominibus. Herausgegeben von Beate Regina Sushla. Verlag Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1990 (Patristische Texte und Studien, 33); Corpus Dionysiacum. II. *Pseudo-Dionysius Areopagita*. De coelesti hierarchia. De ecclesiastica hierarchia. De mystica theologia. Epistulae. Herausgegeben von Günter Heil und Adolf Martin Ritter. Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1991 (Patristische Texte und Studien, 36). Билингва: *Дионисий Ареопагит*. Сочинения. Толкования *Максима Исповедника*. – СПб.: Алетейя, 2003. – 864 с. – (серия «Византийская библиотека. Источники»).

1	2	3	4	5	6	7	8
1	Ματєριαλνότητ (от ὑλῆ), чувствєннότητ (от αἰσθησῖς), вῖδῖμότητ (от ὁρατός), и т.п.	<i>CH 8, 21</i> (42); <i>CH 9,</i> <i>13</i> (42); <i>CH</i> <i>29, 5–6</i> (108); <i>DN</i> <i>114, 3–7</i> (222); <i>DN</i> <i>211, 7–9</i> (502); <i>EH</i> <i>65, 10–13</i> (570); <i>EH 68, 1–4</i> (578); <i>EH 73, 12–</i> <i>15</i> (592); <i>672;</i> <i>Ep 193, 11–</i> <i>12</i> (828); <i>834, 750,</i> <i>752</i>	13	14,3	42, 42, 854, 42, 42, 42, <i>EH 65, 13–</i> <i>17</i> (570); 66, 184, 186, 640, <i>EH 67, 20–</i> <i>23</i> (578); <i>EH 67, 20–</i> <i>23</i> (578); <i>EH 73, 12–</i> <i>15</i> (592); <i>73, 12–15</i> (592); 648, 654, 658, 108, 600, 592	21	27,3
2	Οφωρμλєннότητ (от μορφή), вῖδ (от σχῆμα, εἶδος) и т.п.	<i>DN 114, 3–</i> <i>7</i> (222); <i>240; DN</i> <i>211, 7–9</i> (502); <i>DN</i> <i>211, 7–9</i> (502); 656, 752, 752, 752, 830	9	9,9	52; <i>CH 50, 13 –</i> <i>51, 1</i> (180); 124, <i>CH 50, 13 –</i> <i>51, 1</i> (180); 180, 186, 192, 198, 368	9	11,7
3	Μνєгоοβραε, пєстрота (от ποικιλία), разделєннότητ (от διαιρετός, μεριστός и т. п.), пространнότητ, (от πλείον) и т.п.	46, 612, 616, 666; <i>DN 114, 3–</i> <i>7</i> (222); <i>DN</i> <i>114, 3–7</i> (222); 576, 576, 320; <i>EH 65, 10–</i> <i>13</i> (570); 657, 640,672	13	14,3	<i>CH 50, 13 –</i> <i>51, 1</i> (180); <i>CH 50, 13 –</i> <i>51, 1</i> (180); <i>EH 67, 20–</i> <i>23</i> (578); 578, 618, 646 682	7	9,1

1	2	3	4	5	6	7	8
4	Удаленность от архетипов (<i>παρρωτάτος τῶν ἀρχετύπων</i>), низменность (от <i>ταπεινότης</i>), нелепость, (от <i>ἀπεμφαίνουσα</i>) и т.п.	<i>DN 211, 7–9 (502)</i>	1	1,1	48, 48, 670, 52, 200, 266, 52, 52, 58, 58, 58, 66, 504, 506; <i>EH 73, 12–15 (592);</i> <i>73, 12–15 (592);</i> 304	17	22,1
5	Неясность, смутность (от <i>ἀμυδρός</i>), гадание, загадка (от <i>αἴνιγμα</i>), Завеса (от <i>παρπέτασμα</i>) и т.п.	<i>EH 73, 12–15 (592);</i> 614, 840	3	3,3	292, 670, 670, 420; <i>EH 73, 12–15 (592);</i> 670	6	7,8
(A)	Общая сумма по чувственно-материальным признакам		39	42,9		60	77,9
6 (B)	Соестественность, соответствие человеку (<i>συμφυῶς, οἰκείως, ἐν συμμετρία, ἀναλόγως</i> и т. п.)	40; <i>CH 9, 10 (42); EH 65, 10–13 (570); EH 65, 10–13 (570);</i> 576; <i>EH 68, 1–4 (578);</i> <i>EH 73, 12–15 (592);</i> 224, 696, 600, 672	11	12,1	<i>EH 67, 20–23 (578);</i> <i>EH 67, 20–23 (578);</i> <i>EH 73, 12–15 (592)</i>	3	3,9

1	2	3	4	5	6	7	8
7 (C)	<p>Отображение (от ἀπεικονίσματα), оттиски (от τύπος), знаки (от σύνθημα), написание (от γραφή), подобие (от ὁμοίωμα), зеркало (εἴσοπτρον), и т.п.</p>	<p>38; DN 114, 3–7 (222); 830, 842, 840, 840, 842, 844, 842, 656, 656, 664, 666, 662; EH 73, 12– 15 (592); EH 73, 12– 15 (592)</p>	15	16,5	<p>42, 42, 48, 52, 66, 196, 192, 198, 202, 304, 368, 462, 504, 504; EH 67, 20– 23 (578); EH 73, 12– 15 (592); 592, 600, 640, 648, 648, 660, 664, 52, 670, 72, 132, 132, 110, 110; CH 51, 2 (180); 620, 650, 670, 686, 842, 842, 368</p>	38	49,4
8	<p>Осмысленность, наличие внутреннего смысла (от λόγος)</p>	<p>EH 68, 4–5 (578)</p>	1	1,1	<p>DN 148, 19 (308)</p>	1	1,3
9	<p>Чтимость (от σεβαστός)</p>	<p>630; EH 107, 23– 27 (678)</p>	2	2,2	–	0	0
10	<p>Сращенность с Тайнствами (τὰ προσπεφυκότα μυστηρίοις)</p>	<p>Ep 193, 11– 12 (828)</p>	1	1,1	–	0	0

1	2	3	4	5	6	7	8
11	Священность (от <i>ιερός</i>), святость (от <i>ἅγιος</i>) и т.п.	46; <i>СН</i> 9, 14 (44); 576, 804, 830, 834, 842, 844, 734, 728, 578, 592, 612, 662, 596, 600, 602, 626, 640, 664, 666, 718, 610, 598, 672, 732, 752, 852	28	30,8	42, 52, 52, 72, 592, 646, 652, 664, 108, 650 670, 368	12	15,6
12	Священность и святость в превосходной степени (от <i>ιερωτάτων, ἁγιωτάτων</i>)	<i>ΕΗ</i> 73, 12– 15 (592); 702, 730, 680, 732, 630, 632, 610, 638, 664	10	11	<i>ΕΗ</i> 96, 15– 16 (650)	1	1,3
13	Богословие (от <i>θεολογία</i>)	196, 240, 308; <i>DN</i> 211, 7–9 (502); 564, 750, 752, 828, 828, 834, 852, 852, 852	13	14,3	–	–	–
(D)	Общая сумма по призна- кам от осмысленности до богословия		55	60,4		14	18,2
14	Сверхчувственность (от <i>ἀπόρρητος</i>), тайнственность (от <i>μυστικός</i>), умопостигаемость (от <i>νοερός</i>)	836; <i>СН</i> 29, 5–6 (108); 234, 240, 602, 834, 834	7	7,7	652; <i>ΕΗ</i> 96, 1–2 (648); 368	3	3,9

1	2	3	4	5	6	7	8
15	Божественность (от <i>θεῖον, θεϊότητων</i>), и т.п.	582; <i>ΕΗ 73, 12–15 (592);</i> <i>ΕΗ 73, 19–74, 2 (592);</i> 606, 810, 610, 612, 612, 638, 656; <i>ΕΗ 107, 21–23 (678);</i> 696, 730, 752, 752, 752, 752, 752, 836	19	20,9	504; <i>ΕΗ 73, 12–15 (592);</i> 620, 650, 616, 654, 682, 730	8	10,4
(E)	Общая сумма по признакам от сверхчувственности до божественности		26	28,6		11	14,3

Признаки, характеризующие в большей мере функции и динамические характеристики рассматриваемых предметов, мы объединили в номинальную шкалу, не предполагающую отношений порядка (табл. 2).

Таблица 2

Признаки функций и динамики символа и образа

№ признака	Признак	Понятие (общее количество употреблений)					
		<i>τὸ σύμβολον</i> (91)			<i>ἡ εἰκὼν</i> (77)		
		Страница	Кол-во употребл.	Относит. употребл., %	Страница	Кол-во употребл.	Относит. употребл., %
1	2	3	4	5	6	7	8

1	2	3	4	5	6	7	8
1	Явление, проявление, богоявление (от <i>φανέρωσις</i>), воссияние (от <i>ἐπίλαμπω</i>), истинность (от <i>ἀληθής</i>), дарение (от <i>δωρέομαι</i>) умножение, исполнение (божественного единства) (от <i>πλήθω</i>) и т. п.	38, 38, 842, 844, 46, 222, 234; <i>ΕΗ 68, 4–5</i> (578); 616, 638, 680, 804, 730, 576	14	15,4	<i>DN 148, 19</i> (308); 600, 640, 650, 72, 186, 302, 304, 618, 648, 658, 854, 682, 686, 670, 730, 842, 368, 192	19	24,7
2	Причастие (от <i>μετάληψις</i>), возведение к Таинствам (от <i>τελεστικός</i>), тайноводство (от <i>μυσταγωγία</i>), освящение, совершение (от <i>τελεσιουργός</i>), восхождение (от <i>ἐπιτήδευσις</i>), приобщение (от <i>κοινωνικός</i>), и т. п.	836, 836, 602, 606, 630, 672, 680; <i>ΕΗ 107, 23–27</i> (678); 702, 730, 696, 718, 728, 732, 734, 828, 610	17	18,7	42, 42, 72, 592, 620; <i>ΕΗ 107, 21–23</i> (678); <i>ΕΗ 107, 21–23</i> (678); 650, 108, 180, 730, 420	12	15,6
3	Возведение (от <i>ἀνάγω</i> и т.п.), Руководство (от <i>χειραγωγία</i>)	38, 40; <i>СН 8, 21</i> (42); <i>СН 9, 13</i> (42); 320; <i>ΕΗ 65, 10–13</i> (570); 578, 592, 696, 672, 672, 610; <i>ΕΗ 68, 1–4</i> (578)	13	14,3	58, <i>ΕΗ 65, 13–17</i> (570); 42, 132, 420, 646, 670	7	9,1
4	Священнодействие (<i>ἱερουργία</i>), Литургичность (<i>ἱερουργία κοινόν</i>), освящение (<i>ἀγιάζω</i>); обожение (<i>θέωσις</i>) и т. п.	<i>ΕΗ 65, 10–13</i> (570); 576, 638, 638, 640, 680, 730, 836, 576	9	9,9	72; <i>ΕΗ 67, 20–23</i> (578); 670, 730	4	5,2

1	2	3	4	5	6	7	8
5	Созерцание (от <i>θεωρία, ἐποπτεύω</i>), приникновение (от <i>παρακύπτω</i>), познание (от <i>ἐπιστήμη</i>) Восприятие (от <i>εἰσδέχομαι</i>) и т. п.	38, 38, 108, 614, 578, 582; <i>EH 73, 12–15</i> (592); 610, 662, 680, 696, 718, 734, 844, 852, 852	16	17,6	42; <i>EH 65, 13–17</i> (570); <i>EH 73, 12–15</i> (592); 602, 646, <i>EH 96, 15–16</i> (650); 658, 654, 670, 670, 844, 844	12	15,6
6	Раскрытие (<i>ἀναπτύσσω</i>), объяснение (<i>ἀνακαθαίρω</i>) и т. п.	844, 852	2	2,2	<i>CH 51, 2</i> (180); 198, 200, 202, 302	5	6,5
7	Намек, приоткрытие (<i>αἰνίσσομαι</i>)	592, 598	2	2,2	664	1	1,3
8	Окутывание, Закрывание (<i>περικεκαλυμένος</i>)	40, 614	2	2,2	52; <i>EH 96, 15–16</i> (650); 670	3	3,9
9	Воспитание (<i>ἀνατροφή</i>), формирование (от <i>τυπώτικον</i>), поучение (от <i>διδάσκω</i>) поучение (от <i>μαθητεία</i>), Изречение (от <i>ἀνάρρησις, εἶπον</i>) и т. п.	<i>EH 68, 4–5</i> (578); 592, 602, 840, 732, 734, 64, 168, 804	9	9,9	42, 618, 620	3	3,9
10	Каноничность, предание (от <i>παράδοσις</i>)	42, 46, 598, 662, 592, 638, 834, 576, 852, 576	10	11	<i>EH 67, 20–23</i> (578)	1	1,3
11	Иерархичность (<i>ἱεραρχικῶς</i>), упорядочивание (<i>διακόσμησις</i>)	<i>EH 65, 10–13</i> (570); 606, 666, 578	4	4,4	652, 682, 72	3	3,9

1	2	3	4	5	6	7	8
12	Создание (символов и образов) (<i>δημιουργέω</i>)	44, 46, 612, 830	4	4,4	52, 108, 186, 648, 648, 186	6	7,8
13	Активность человека при символикации, творчество (от <i>ποιέω</i> и т. п.)	126, 224, 502, 592, 600, 638, 610, 626, 678, 680, 830, 804, 846, 852	14	15,4	СН 50, 13 – 51, 1 (180); 52, 52, 72, 132, 186, 602	7	9,1
14	Использование понятия в форме наречия	38, 42, 64, 614, 640, 804	6	6,6	—	0	0
15	Использование понятия в форме прилагательного к глаголу или отглагольному существительному	196, 234, 240, 308; <i>DN 211</i> , 7–9 (502); 564, 592, 598, 602, 638, 656, 660, 750, 752, 752, 828, 830, 836, 852, 852	20	22	—	0	0
16	Использование понятия в формах: причастия; составной части глагола или отглагольного существительного	—	0	0	52, 66; ЕН 73, 12–15 (592); 660, 664	5	6,5

Заметим, что многие признаки, представленные в табл. 1 и 2, вполне соответствуют терминам символично-аллегорической терминологии Ареопагитик, которые выделил в своем исследовании и распределил по группам (обозначающее, характеристики образа, обозначаемое, истолкование) П. К. Доброцветов²², но в данных таблицах они представлены как раскрывающие те или иные характеристики и

²² Доброцветов П. К. Аллегореза и символизм как богословско-философский метод Ареопагитик. Сергиев Посад: МДС, 2007. С. 26-32.

функции главенствующих, по нашему мнению, в этой терминологической системе понятий *σύμβολον* и *εἰκὼν*.

На основании подсчетов количества употреблений в тексте Ареопагитик слов *σύμβολον* и *εἰκὼν* и количества употреблений этих слов с тем или иным смысловым признаком были вычислены относительные (относительно общего числа случаев употребления слова в Ареопагитиках) употребления этих слов с выделенными признаками (табл. 1 и 2), что выявило частотность использования автором исследуемых слов с тем или иным смысловым оттенком.

На основании первой порядковой шкалы для большей наглядности были построены две диаграммы: первая – более подробная, где указаны все признаки этой шкалы (рис. 1), и вторая – обобщенная, в которой родственные признаки (1–5, 8–12, 13–14) (табл. 1) объединены в один признак (рис. 2).

Полученные данные, в первую очередь, обращают внимание на то, что и *σύμβολον*, и *εἰκὼν* часто используются Ареопагитом с чувственными признаками материальности, формы, вида, многообразия, разделенности и т. п. (табл. 1; рис. 1, 2). Это говорит о том, что символы и образы в Корпусе это определенные **чувственные предметы**, которые в вышеуказанном общем контексте употребления данных понятий являются своеобразными «посредниками» между человеком и духовным миром в явлении высших порядков иерархии бытия и Бога в соестественной нам чувственно-материальной реальности. Данные предметы несут на себе отображения, оттиски высшей реальности, являются ее подобием (табл. 1; рис. 1, 2) и благодаря этому могут возводить и приобщать (табл. 2) к ней человека. В качестве таких предметов Ареопагитом рассматриваются вещи, понятия, существа, события и др., представленные в Священном Писании, многообразное наполнение мира природы, человек и его физическое устройство, священные предметы, священнодействия и богослужebные песнопения Церковной иерархии, и, вообще, по выражению иером. Александра (Голицына), «...все, что является реальным и выставленным на эту (чувственно-материальную – В. А.) плоскость...»²³ бытия²⁴.

²³ Alexander (Golitzin), hieromonk. Et introibo ad Altare Dei. The mystagogy of Dionysius Areopagita, with special reference to its predecessors in the eastern Christian tradition. – ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ: ΠΑΤΡΙΑΡΧΙΚΟΝ ΙΔΡΥΜΑ ΠΑΤΕΡΙΚΩΝ ΜΕΛΕΤΩΝ, 1994. С. 221

²⁴ Как показал историографический анализ научных работ, так или иначе связанных с темой символа в Ареопагитиках, наличие в «Корпусе» понимания символа как чувственного предмета-означающего, репрезентирующего собой реальность (чаще всего сверхчувственную, умопостигаемую) иную по отношению к себе самому, отмечается во всех рассмотренных работах. Кроме того, такое понимание *σύμβολον* вполне привычно для предшествующей Ареопагитикам восточно-христианской традиции (Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. OXFORD, 1961. P. 1282).

Далее отметим, что Дионисий применяет понятия *σύμβολον*, и *εἰκόν* не только к чувственным, но и к **умопостигаемым предметам**. Так он, например, различает символы, доступные чувствам (*αἰσθητῶν συμβόλων*), и символы, доступные уму (*νοερῶν συμβόλων*)²⁵, ангела называет «образом» («*εἰκόν*») Божьим²⁶ и говорит о единовидных образах (*ὁμοειδεῖς εἰκόνας*) добродетели в человеческой душе²⁷. Это связано с тем, что иерархический универсум Дионисия не ограничивается различением чувственного и умопостигаемого. Внутри умопостигаемого также есть свои иерархические различия (чины Небесной Иерархии, уровни восприятия и деятельности человеческого ума). Это требует использования уже умопостигаемых предметов – посредников для явления высших порядков и Бога в определенной умственной реальности порядков низших. В качестве таких сверхчувственных символов и образов Ареопагит рассматривает и ангелов, становящихся выявителями высших порядков и Бога для порядков низших и человека, и ум человека с его определенными иерархическими подуровнями, и различные умопостигаемые понятия, которые автор черпает, в основном, из Священного Писания – эти умопостигаемые катафатические Божественные имена²⁸ и неразрывно связанные с ними их апофатические отрицания и сверх-катафатические преодоления, которые являют в себе реальность соответствующих нетварных Божественных энергий²⁹.

Таким образом, на данном этапе анализа можно обобщенно заключить, что символ или образ в Ареопагитиках – это **предмет**, несущий в себе отпечаток и подобие реальности высшего порядка и являющий ее в себе для соестественного данному предмету реципиента (созерцателя). При таком понимании *σύμβολον* и *εἰκόν* вполне могут рассматриваться как взаимозаменяемые и тождественные понятия, означающие одно и то же.

---

²⁵*Pseudo-Dionysius Areopagita*. De coelesti hierarchia 7.2 (29, 5-6; PG3, 208B; 108)

²⁶*Idem*. De divinis nominibus 4.22 (169, 22 – 170, 1; PG3, 724B, 368). Отметим, что в данном случае слово *εἰκόν* в «Корпусе» взято в кавычки, что подчеркивает метафоричность применения понятия «образ» как чувственного и по отношению к всецело умственному ангелу. Со словом *σύμβολον*, при его применении к умопостигаемым реальностям, такого не происходит. Это косвенно подтверждает наши последующие выводы о соотношении исследуемых понятий.

²⁷*Pseudo-Dionysius Areopagita*. De ecclesiastica hierarchia 4.3.1 (96, 1-2; PG3, 473B; 648).

²⁸ Отметим, что применительно к Божественным именам понятия *σύμβολον* и *εἰκόν* автор ни разу не использует напрямую, хотя сам контекст рассмотрения имен как определенных умопостигаемых средств богоявления, богообщения и богопознания вполне позволяет применять к ним данные термины, что, так или иначе, отмечается рядом исследователей [Лосев, Golitzin, Тарнопольская, Пилипенко, Шленов, Доброцветов]

²⁹ С большой долей вероятности можно заключить, что Ареопагит является новатором в восточно-христианской традиции, когда в контексте разрабатываемого им учения об иерархии бытия и иерархической коммуникации говорит об умопостигаемых символах, так как до него христианские писатели, употребляя *σύμβολον* с семантикой означающего, чаще всего имели ввиду какие-либо чувственные реальности (ветхозаветные прообразы, обряды Таинств и т. п.) (*Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon*. OXFORD, 1961. P. 1282).

Однако дальнейшее рассмотрение полученных данных (табл. 1, рис. 1 и 2) позволяет заметить большую, чем у *εἰκόνη*, равномерность употребления *σύμβολον* с каждым выделенным признаком, в то время как у *εἰκόνη* виден явный приоритет признака «отображение, оттиски», а также признака «чувственность, материальность». У символа же при присутствии материальных оттенков «чувственности», «отображения», «оформленности» и особенно «многообразия» и «разделенности» все-таки большие (или, по крайней мере, не меньшие) смысловые акценты ставятся на «святость», «святость в превосходной степени» и «божественность». Исходя из этого, можно заключить, что категория «символ», согласно автору Ареопажитик, отражает не только реальность чувственного или умопостигаемого предмета – означающего, но и умопостигаемую, таинственную и, в конечном счете, Божественную реальность означаемого, т. е. данное понятие представляет **двуединство, неслитное соединение и сопричастие означающего и означаемого**, что включает в себя, как один из смысловых аспектов, и аспект отображения последнего в первом. В то время как понятие «образ» у автора «Корпуса», прежде всего, связано именно с результатом отображения, «отпечатывания» означаемого в чувственной и, реже, в умопостигаемой реальности означающего предмета. Таким образом, само означаемое не включается Ареопажитом в содержание данной категории, на что дополнительно указывает частое употребление *εἰκόνη* с признаками «удаленность от архетипов», «низменность», «нелепость», «неясность», «смутность», «гадание», «завеса», в то время как «символ» с данными признаками употребляется крайне редко (табл. 1, рис. 1 и 2).

Порядковая шкала признаков

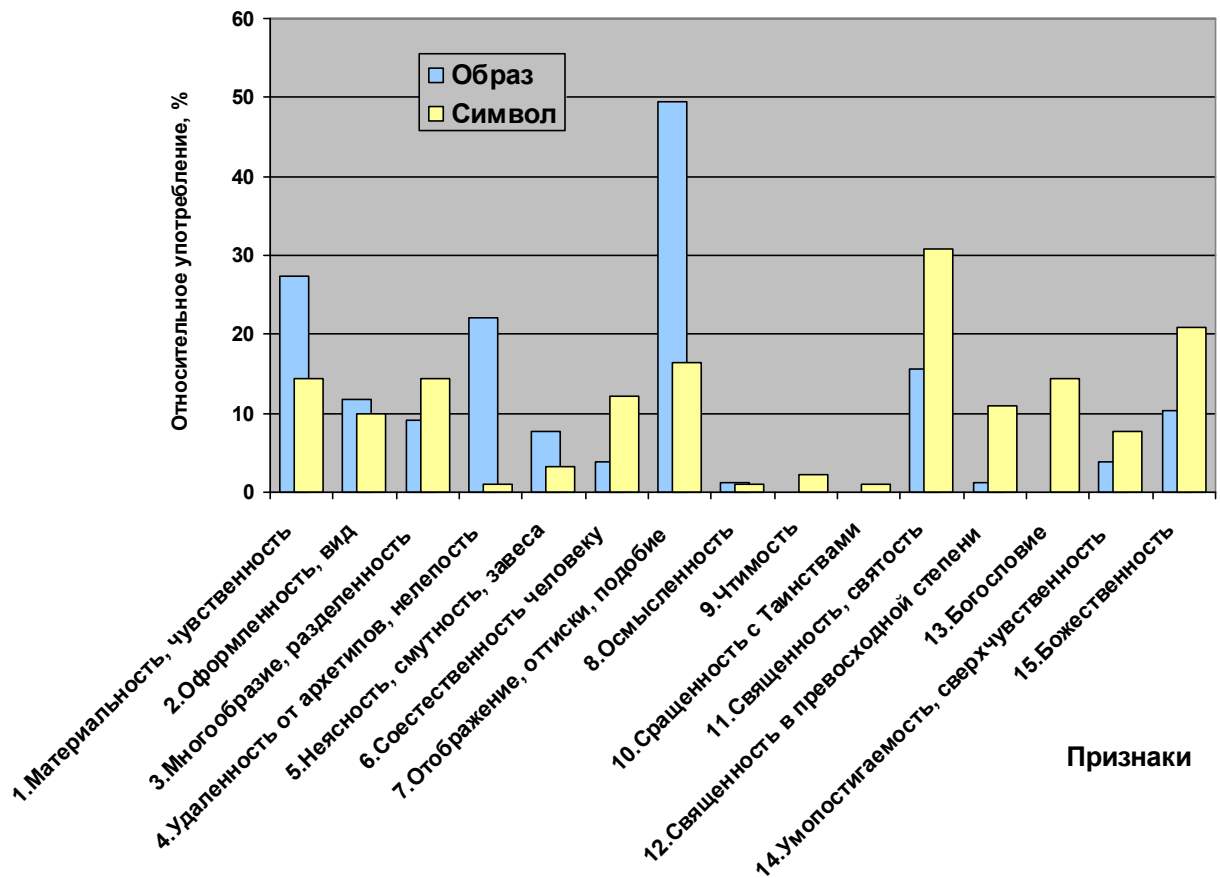

Рис. 1. Гистограмма порядковой шкалы признаков

Кроме того, на двуединый состав символа указывает частое его употребление Дионисием в контексте соестественности человеку (табл. 1, рис. 1, 2), что, по нашему мнению, может говорить не только о множественной и чувственной реальности означаемого, но, опять таки, и о присутствии в символе умопостигаемой, смысловой реальности означаемого, т. е. о двусоставности символа, аналогичной духовно-телесной двусоставности человека и помогающей человеку реализовать его способность чувственно-умного познания духовных реальностей.

Наконец, на ту же двуединую природу символа непосредственно указывает мысль автора о приращенности (*προσπεφικότεοι*) символов, взятых в их чувственном аспекте, к Тайнствам³⁰, рассмотренная на фоне его рассуждений о таинственности,

³⁰ *Pseudo-Dionysius Areopagita. Epistulae 9.1 (193, 11-12; PG3, 1104B; 828).*

неизреченности и божественности символов и символического учения (табл. 1)³¹.

Порядковая шкала признаков (обобщенная)

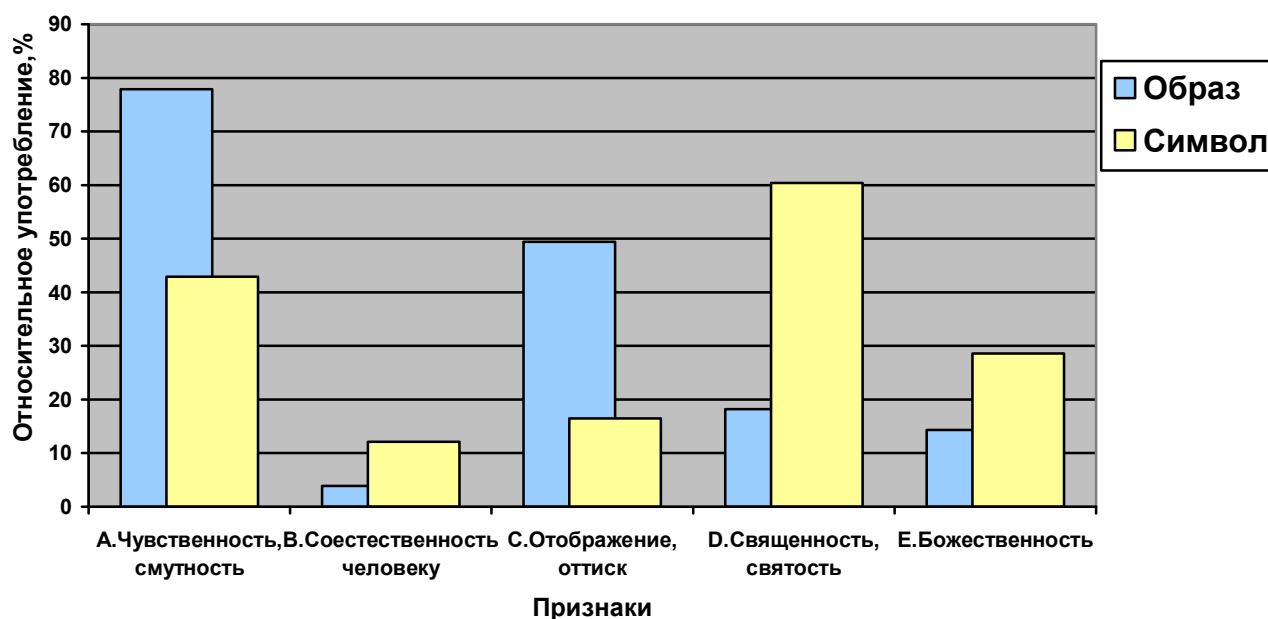

Рис. 2. Гистограмма обобщенной порядковой шкалы признаков

Далее отметим, что, по нашему мнению, есть основания полагать, вслед за иером. Александром (Голицыным), что в Ареопагитиках данное сопричастие в символе означающего и означаемого понимается как взаимодействие. Причем, взаимодействие, не означающего с означаемым, а скорее, означаемого с созерцателем (толкователем или, согласно современной эстетической терминологии, реципиентом), посредством означающего³².

³¹ Таким образом, данные нашего анализа обнаруживают наличие у Ареопагита устойчивой тенденции включения в содержание понятия «символ» и означающего, и означаемого в аспекте их нераздельного единства. Наличие данной тенденции у автора «Корпуса» можно рассматривать как продолжение и разработку предшествующей восточно-христианской традиции, в которой термин «символ» использовался и с семантикой означающего, и с семантикой означаемого (например, «значение литургических действий»), и с семантикой их единства (предшествующее ареопагитскому применению *σύμβολον* к Таинствам и евхаристическим Святым Дарам) (*Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. OXFORD, 1961. P. 1282*).

³² «Своей природой символ, собирая или «вживляя» Божественное в материю, в жест или в слово, требует этого непрерывного усилия к постижению - конечно, в той мере, в какой присутствие или сила Божия, активно соработают в помощь анагогии» (*Alexander (Golitzin), hieromonk. Et introibo ad Altare Dei. The mystagogy of Dionysius Areopagita, with special reference to its predecessors in the eastern Christian tradition. - ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ: ΠΑΤΡΙΑΡΧΙΚΟΝ ΙΔΡΥΜΑ ΠΑΤΕΡΙΚΩΝ ΜΕΛΕΤΩΝ, 1994. P. 154*). Это, в свою очередь, предполагает «...причастие, через созерцание... и иерархическую "деятельность" участия в *δυνάμεις* (Божественная сила – *B. A.*)» (*Ibid., P. 220*). Таким образом, глубинная реальность дионисиевского символа, обретается иером. Александром (Голицыным) во внутреннем, неуловимом, динамичном и лично-детерминированном акте встречи Божественного, ангельского и человеческого (означающего и созерцателя): «Наша иерархия формирует, в своей полноте, святое *σύμβολον*... встречу неба и земли, которая обретается каждый раз в собрании Церкви и в пределах человеческого сердца и ума (выделено нами – *B. A.*)» (*Ibid., P. 149*).

На это, в первую очередь указывает само понимание Ареопагитом глубинных механизмов созерцания и творчества, в основе которых лежит, активное снисхождение к человеку (реципиенту) нетварных Божественных первообразов – энергий (означаемое), Которые, при этом, неслитно воплощаясь в том или ином виде и образе (означающее), так или иначе, адаптируют Себя к созерцательным способностям созерцателя (реципиента):

«Ибо сокровенные и превосходящие ум благоуханные красоты Божьи (*αἱ τοῦ θεοῦ κρυφία καὶ ὑπὲρ νοῦν εὐόδοις εὐπρέπειαι...*) неприкосновенны и умопостигаемо являются лишь существам умственным, желая создать в душах неискаженные относительно добродетели единовидные образы (*...ὁμοειδεῖς...εἰκόνας*). Ведь если созерцают не поддающееся описанию хорошо уподобленное изображение боговидной добродетели, эту умопостигаемую и благоуханную красоту, – значит она сама таким образом себя изображает и придает себе вид – для наилучшего себе подражания... Так, упорное и неуклонное созерцание благоуханной и сокровенной красоты любящими красоту, рисующими в уме людьми, дарует им ее неложное и богоподобнейшее подобие»³³.

Согласно данной цитате, очевидно, что динамическое символическое двуединство означаемого и означающего актуализируется и осуществляется в уме (душе) созерцателя, который отвечает «упорным и неуклонным созерцанием» на кенотическое снисхождение к нему в том или ином образе Божественных Смыслов («сокровенные и превосходящие ум благоуханные красоты Божьи»). Поэтому более глубоким пониманием символа в Ареопагитиках является его понимание как **самой ситуации взаимодействия активного означаемого и созерцателя посредством означающего**. Таким образом, понятие символа охватывает всю ситуацию взаимодействия, со всеми ее составляющими и центрируется, отнюдь не на предметном аспекте символа, т. е. не на означающем, а на аспекте встречи означаемого с духом созерцателя³⁴.

³³ *Pseudo-Dionysius Areopagita. De ecclesiastica hierarchia 4.3.1 (95, 23 – 96, 5; PG3, 473B; 648)*

³⁴ Такое понимание *σύμβολον*, на наш взгляд, созвучно глубинному смыслу этого слова в греческом языке. Этимология и семантика древнегреческого слова *σύμβολον*, представленная в словарной литературе, позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о преобразовании в данном слове глубинного общего значения «активной встречи, взаимодействия и соединения двух или более различных предметов» в значение «знака какого-либо объединения, союза, общества», а через это, в значение «условного знака чего бы то ни было». Так *σύμβολον* происходит от *συμ-βάλλω* (от *βάλλω* - бросать, надевать, наливать, ударять, вонзать и т. п. (*Gammelli G. Lessico Etimologico-Pratico Della Lingua Greca. FIRENZE, 1980. P. 103; Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь // Alpha. Древнегреческо-русский словарь <<http://gurin.tomsknet.ru/alpha.html>>; Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 1175). *συμ-βάλλω*, в свою очередь, имеет семантику активной встречи, взаимодействия и соединения двух или более различных предметов: 1) сбрасывать в одно место, сливать, соединять; 2) сшибать, сталкивать; 3) ссужать, давать, содействовать, помогать; 4) сравнивать, сличать (Там же, С. 1175) 5) собирать; 6) присоединять; 7) приходиться к соглашению; 8) обмениваться; 9) сопоставлять, сравнивать; 10) встречаться, сходиться (в т. ч. для боя) (*Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь // Alpha. Древнегреческо-русский словарь <<http://gurin.tomsknet.ru/alpha.html>>*). Родственными *σύμβολον* являются слова *συμβολή* (сшибка, столкновение, свалка, рукопашный бой, битва; 2) связь, соединение, шов; застежка; 3) складчина) (*Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 1176*) и *συμβολος*, 2 (встречный, попавший на встречу) (там же).*

На присутствие такой тенденции понимания символа в Ареопагитиках указывает и рассматриваемый через призму выявленного двуединства символа факт его многообразного употребления с признаками, указывающими, что символ позволяет реализовать (или реализовывает в себе) различные аспекты взаимодействия означаемого и созерцателя, причем, и с точки зрения первого («богоявление», «явление», «воссияние», «дарение», «возведение», «тайноводство», «намеки», «приоткрытие», «окутывание», «закрывание» и т. п.), и с точки зрения второго («созерцание», «познание», «раскрытие», «объяснение», «активность при символизации» и т. п.), и в контексте их совместных действий («священнодействие», «освящение», «предание» и т. п.) (табл. 2). Таким образом, можно понимать, что в символе как в особой ситуации взаимодействия структурируются различные аспекты этого взаимодействия созерцателя с активно являющейся ему реальностью означаемого³⁵.

Отметим, что *εἰκὼν* также употребляется с указанными динамическими признаками, но гораздо реже, чем *σύμβολον* (табл. 2). К тому же такое употребление в свете выявленной односоставности и предметности образа, вполне может говорить лишь о его участии в символическом взаимодействии в качестве означающего.

Однако далее следует отметить, что рассматриваемые данные контекстуального анализа, говорят о наличии в Ареопагитиках тенденции еще более глубокого и, на наш взгляд, основополагающего общего понимания символа не только как взаимодействия или как ситуации взаимодействия, но как самого **метода** взаимодействия означаемого и созерцателя посредством означающего, в соответствии с которым и организуются различные символические ситуации. На это, по нашему мнению,

---

Сам же *σύμβολον* – это «знак, примета, признак; знак, служивший доказательством союза гостеприимства, заключенного между двумя семействами³⁴...», марка, которую получали в Афинах заседавшие в суде, участвующие в народном собрании и т.п.; ...условный знак, пароль, сигнал; чувственный знак, символ; знамение, предзнаменование» (там же). «В конкретном смысле, *σύμβολα* ... были кусками одной кости или одной монеты, которые два чужака (*ζένοι*) или два человека, заключивших договор, разламывали на две части, и каждый хранил свою часть. В единственном числе, *σύμβολον* – половина соответствующей порции...» (*Andia Y. Symbole et mystère selon Denys l'Aréopagite // STUDIA PATRISTICA. Vol. XXXVII: Papers presented at the Thirteenth International Conference on Patristic Studies held in Oxford 1999. Cappadocian Writers. Other Greek Writers. LEUVEN, 2001. P. 421*). Словарь иностранных слов дает одним из значений символа следующее: «у древних греков – условный вещественный опознавательный знак для членов определенной общественной группы, тайного общества и т.п.» (Словарь иностранных слов. М., 1980. С. 464). Словарь Лидделла – Скотта представляет различные варианты практического преломления значения *σύμβολον*, сначала как знака, удостоверяющего причастность определенной личности тому или иному обществу или договору, и далее уже просто как знака чего-либо: «верительная грамота», «гарантия», «личная марка, даваемая афинскому судье при входе в суд и предоставляющая ему право голоса», «исповедание веры», «паспорт», «соглашение между двумя государствам об обеспечении безопасности граждан друг друга», «контракт», «расписка», «предвестники шторма», «штандарты легионеров», «знамения», «симптом болезни», «условный сигнал, пароль» и т. д. (*Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. OXFORD, 1996. P. 1676–1677*).

³⁵ Ср.: согласно некоторыми определениям И. д'Андиа дионисиевский символ – это и «...переход (здесь и далее выделено нами – В. А.) (созерцателя – В. А.) от света к свету...» (*Andia Y. Symbole et mystère selon Denys l'Aréopagite // STUDIA PATRISTICA. Vol. XXXVII: Papers presented at the Thirteenth International Conference on Patristic Studies held in Oxford 1999. Cappadocian Writers. Other Greek Writers. LEUVEN, 2001. P. 424*), и «...передача (активным означаемым – В. А.) теархического (богоначального) луча под «символической пестротой»...» (*Ibid.*, P. 432).

указывает частое употребление *σύμβολον* в формах наречия (6 раз) или прилагательного к глаголам или отглагольным существительным, отражающим различные, представленные в табл. 2 аспекты рассмотренного взаимодействия Божественного и тварного, умопостигаемого и чувственного (20 раз), в то время как *εἰκόνη* в подобных формах не используется автором «Корпуса» ни разу (табл. 2)³⁶. Довольно характерны выражения «говоря символически», «символически умножая», «символическое богословие», «символическое предание», «символическое учение», «символическое священнодействие», «символический состав», «символическое образписание», «символическая священнопластика» (табл. 2). Все это позволяет сделать заключение о наличии в Ареопагитиках глубинного понимания *σύμβολον* как определенного *способа* взаимодействия, *объединяющего* и *структурирующего* различные *действия* и *процедуры* этого взаимодействия в соответствии с определенными *закономерностями, принципами и правилами*³⁷, которые, в свою очередь, следуют из определенных богословско-онтологических предпосылок возможности взаимодействия и взаимообщения разнопорядковых субъектов (Бога, ангелов и человека), что довольно детально разрабатывается в «Корпусе». Кроме того, все эти символические действия объединены *единой целью*, которая довольно четко определяется автором как взаимопомощь друг другу разнопорядковых субъектов дионисиевской иерархии бытия в богопознании, богоуподоблении и соединении с Богом³⁸, что более обобщенно можно выразить как неслитное соединение и отождествление означаемого (в пределе – Бога) и созерцателя (ангелы, человек).

В свою очередь, последнее выявленное дионисиевское понимание *σύμβολον* вполне соответствует основным формальным характеристикам (выше *выделены курсивом*) метода, в современном его понимании³⁹, что позволяет сделать окончательный вывод о наличии в Ареопагитиках тенденций к основополагающему пониманию символа как **метода** взаимодействия активного означаемого и созерцателя посредством означающего.

³⁶ См. также: Thesaurus Pseudo-Dionysii Areopagitae: textus graecus cum translationibus latinis. Brepols–Turnhout, 1993. P. 87, 35.

³⁷ Что и позволяет прилагать ко всем этим многообразным действиям единый предикат «символический».

³⁸ *Pseudo-Dionysius Areopagita. De coelesti hierarchia* 3.2 (17, 10 – 19, 8; PG3, 165AC; 70-74).

³⁹ «Метод (от греч. *methodos* – путь исследования, теория, учение) – способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи... Метод представляет собой систему действий (способов и приемов деятельности), объединенных общей целью и структурированных в соответствии с определенными требованиями (принципами и вытекающими из них правилами)» (*Борытко Н.М., Моложавенко А.В., Соловцова И.А. Методология и методы психолого-педагогических исследований: Учебник для магистрантов и студ. пед. вузов. – Волгоград, 2006. - 284 с. С. 135*).

Далее, в рамках сравнительного анализа двух категорий для проверки сделанных выше выводов, особенно важно рассмотреть предложения Ареопагитик, в которых присутствуют и *σύμβολον*, и *εἰκόν*.

Например, предварение к рассмотрению Таинства Крещения:

«Этот как бы из символов (*ὡς ἐν συμβόλοις*) состоящий обряд священного богорождения не содержит ничего неподобающего и несвященного, ни также воспринимаемых чувствами образов (*οὐδὲ τῶν αἰσθητῶν ἔχουσα εἰκόνων*), но только – гадания богодостойного созерцания, изображаемые (*ἐνεικονιζόμενα*) физическими человекодостоинными зеркалами»⁴⁰.

Видно, как автор в данном отрывке последовательно и антиномично сначала исключает образ, взятый сам по себе в своей чувственной основе, из священной динамики Таинства, которую он описывает понятием символа, а затем, через причастие «изображаемые» (*ἐνεικονιζόμενα*) вновь вводит образ в активную реальность Таинства – символа, но уже как его органическую составную часть. Этот отрывок, по нашему мнению, отчетливо показывает дионисиевское понимание иерархии и взаимосвязи понятий «символ» и «образ», которое подтверждается и всем предыдущим ходом рассуждений. При этом в пространстве «Корпуса» не встречается ни одного отрывка с четко обозначенной обратной иерархией, что могло бы однозначно говорить о тождественности и взаимозаменяемости двух терминов в дионисиевском понимании.

Указанное иерархическое различие *σύμβολον* и *εἰκόν* подтверждает и следующая цитата, которая показывает, что только в динамике соотношения образа (означающего), а точнее, посредством образа, самого созерцателя, с конкретной реальностью означаемого статичный и потенциально многозначный «образ» становится живым «священным символом» – живым взаимодействием созерцателя с являемой в означаемом конкретной высшей духовной реальностью:

«И иначе следует понимать **один и тот же образ** огня (...τὴν αὐτὴν τοῦ πυρὸς εἰκόνα...) в применении к сверхразумению Божию (...κατὰ τοῦ ὑπὲρ νόησιν θεοῦ...), иначе же – к Его умопостигаемым промышлениям, или словесам (...κατὰ τῶν νοητῶν αὐτοῦ προνοιῶν ἢ λόγων...), и иначе – применительно к ангелам (...ἐπὶ τῶν ἀγγέλων...)... И подобает **не смешивать**, как придется, **священные символы**, (...μὴ ὡς ἔτυχε τὰ ἱερά σύμβολα συμφύρειν...) **но раскрывать их соответственно** (...ἀλλὰ προσηκόντως αὐτὰ... ἀναπτύσσειν...) (всюду выделено нами – В. А.) или причи-

⁴⁰ Pseudo-Dionysius Areopagita. De ecclesiastica hierarchia 2.3.1 (73, 12-15; PG3, 397AB; 592).

нам, или образам бытия, или силам, или чинам, или достоинствам, каковым они служат проявляющимися условными знаками (*ὄν καὶ ἐκφαντορικὰ συνθήματα*)»⁴¹.

На специфику символа как конкретного взаимодействия означаемого и созерцателя в представленном примере указывает то, что здесь с одним образом (означающим) соотносится множество символов (различных вариантов динамичного использования этого образа для взаимодействия созерцателя с теми или иными означаемыми).

Однако у автора встречаются рассуждения, в которых слова «символ» и «образ» близки по смыслу. Например:

«Таковы суть совершенноедействующие образы (*αἱ τελεσιουργοὶ... εἰκόνες*) богоначальной силы, доводящие все божественнейшие символы (*τὰ θεϊότατα σύμβολα*) и все священные устроения до совершенства»⁴².

Хотя образу здесь и придана священноедействующая динамика и даже некоторое превосходство в ней над символом, но, во-первых, символ нисколько не теряет здесь своей божественной характеристики, и, во-вторых, из общего контекста видно, что в данном случае понятие «образа» применяется автором не к динамике совершаемого Таинства, а к результатам Таинства совершенного ранее, а именно: к Священному Миру, которое обретает свою совершенноедействующую динамику только через включение в реальность другого Таинства – Символа (Крещения, Евхаристии)⁴³. Таким образом, мы видим, что образу через его включенность в символ приписываются характеристики последнего.

Другой пример близкого по смыслу употребления рассматриваемых слов, на наш взгляд, представляет антиномичный вариант сведения понятия символа к одной из его составных частей, без потери его полного двусоставного содержания.

«Надлежит... проникать подобающим священному образом вовнутрь священных символов (*εἶσω τῶν ἱερῶν συμβόλων ἱεροπρεπῶς διαβαίνειν*), а не пренебрегать ими, являющимися следами (*ὄντα χαρακτήρων ἐκγόνα*), оттисками (*ἀποτυπώματα*) и явными образами (*εἰκόνας ἐμφανεῖς*) невыразимых и поразительных божественных видений»⁴⁴.

⁴¹ *Pseudo-Dionysius Areopagita*. Epistula 9.2 (200, 4-12; PG3, 1108D – 1109A; 844).

⁴² *Idem*. De ecclesiastica hierarchia 5.1.5 (107, 21-23; PG3, 505B; 678).

⁴³ *Ibid.* (107, 23 – 108, 4; PG3, 505BC; 678).

⁴⁴ *Idem*. Epistulae 9.2 (199, 9-12; PG3, 1108C; 842).

Здесь видна тенденция сведения символа к понятию образа, как отпечатка божественного в чувственном, которым символ отнюдь не исчерпывается, не теряя своего двусоставного содержания, на что указывает наречие *εἴσω* («вовнутрь») и глагол *διαβαίνω*⁴⁵, да и самому термину «образ», через который определяется понятие символа, автор придал больше динамики проявления в нем Первообраза через прилагательное «явный» (*ἐμ-φανής*, явный, видимый, **открытый** (выделено нами – А. В.)⁴⁶).

Наконец, в пользу различия понимания Дионисием терминов *σύμβολον* и *εἰκών* говорит то, что при рассуждениях о разных силе и качестве взаимодействия Бога и твари в Ветхом и Новом Заветах, автор для иллюстрации менее динамичных ветхозаветных отношений использует *εἰκών*⁴⁷, а для новозаветной реальности либо активизирует *εἰκών* (например, «...διὰ πλείονων καὶ σαφεστέρων εἰκόνων...» – «...через более пространные и более ясные образы...»⁴⁸, либо использует *σύμβολον*. Последнее мы отчетливо видим в «Церковной иерархии», где применительно к церковным Таинствам, кроме единичных случаев употребления *εἰκών* (например, рассмотренный нами случай со священным Миром⁴⁹), автор привычно использует *σύμβολον*.

Итак, рассмотрение предложений, в которых слова *σύμβολον* и *εἰκών*, употребляются в непосредственной близости, подтвердило полученные в результате предшествующего контекстного анализа дионисиевские определения данных понятий, согласно которым они, хотя и тесно взаимосвязаны, но понимаются в «Корпусе» по-разному.

Подводя итог, можно определить три разновидности употребления Дионисием слова *σύμβολον*, которые в совокупности дают объемную картину понимания автором Ареопагитик данной категории.

Во-первых, под символом в Ареопагитиках понимается **метод** взаимодействия активного означаемого (Бог, ангелы) и созерцателя (ангелы, человек) посредством означающего (любые тварные предметы и нетварные Божественные энергии), или, более конкретно, метод взаимодействия разнопорядковых субъектов иерархическо-

---

⁴⁵ Согласно переводу схолиаста, *διαβαίνειν* - проникать, вторгаться, входить, оказываться внутри чего-либо (Scholia PG4, 569A; 842)). При этом, одно из значений *διαβαίνω* – пререходить, переправляться (например, с одного берега реки на другой) (Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 2006. С. 302). Следовательно, так или иначе в данной цитатете, на наш взгляд, подчеркивается семантика двух сторон символа – означаемого и означающего – внутреннего и внешнего.

⁴⁶ Там же, С. 426.

⁴⁷ *Pseudo-Dionysius Areopagita*. De ecclesiastica hierarchia 3.3.5 (84, 15-19; PG3, 432B; 620).

⁴⁸ Ibid. 3.3.5 (84, 12; PG3, 432B; 618).

⁴⁹ Ibid. 5.1.5 (107, 13 – 108, 4; PG3, 505AC; 676, 678).

го универсума Дионисия, имеющий главной целью опытное богопознание и соединение с Богом⁵⁰. В этом глубинный и таинственный смысл символа.

В этом смысле «символ» и «образ» хотя и взаимосвязанные, но разные понятия, так как «образ» Дионисий понимает в основном как статичный отпечаток Божественного и умопостигаемого в тварном и чувственном (иногда и в тварном умопостигаемом), обладающий неподобным подобием оригиналу. Символ здесь можно рассматривать как средство (систему принципов и действий) реализации потенциала образа как означающего, как определенный способ, либо его динамического развития в созерцании, либо его активного создания в творчестве.

Во-вторых, символ понимается в «Корпусе» как **взаимодействие**, или более конкретно, как **ситуация взаимодействия** означаемого и созерцателя (реципиента) посредством означающего, которая организуется по вышеуказанному методу. В данном случае понятие символа распространяется на всю ситуацию взаимодействия разнопорядковых реальностей и охватывает все предметы и явления, вовлеченные в эту символическую встречу.

Тогда образ становится составляющей частью символа, в котором реализуется его потенциал связи с Первообразом. Через эту динамическую включенность в символ образ может наделяться признаками первого.

При данном понимании символа в его объем входят различные виды взаимодействия разнопорядковых субъектов, а также многочисленные конкретные ситуации, в которых данное взаимодействие реализуется.

И, в-третьих, символ может пониматься в Ареопагитиках как **предмет**, включенный в вышеуказанную ситуацию взаимодействия в качестве **означающего**. В данном случае, понятие символа сводится к определенной составляющей символической ситуации. Но, как мы видели, автор⁵¹ антиномично сопровождает подобную редукцию либо сохранением полного содержания понятия символа⁵², либо

---

⁵⁰ Фактически, символ выступает у Дионисия как наиболее общий и универсальный метод богопознания и обожения, который реализуется им и в ситуациях рассмотрения «Речений» Священного Писания, и в активном созерцательном участии в Богослужении и Таинствах Церковной Иерархии, и во внимательном понимании Божественного присутствия в окружающем мироздании и в событиях, в нем происходящих. В этой универсальности и обобщенности и заключается, на наш взгляд, актуальность и ценность изучения дионисиевского символа как метода взаимодействия с Богом и тварной духовной реальностью, метода, который может быть реализован в любой сфере и в любой деятельности, тем самым и одухотворяя их, и органично связывая между собой, и, в конечном счете, через связь с таинственно-богослужебной сферой, воцерковляя.

⁵¹ Особенно когда он целенаправленно концептуализирует различные аспекты символического способа взаимодействия Бога и разных уровней иерархии бытия.

⁵² «взаимодействие различных реальностей», «метод взаимодействия»

увеличением содержания понятия образа или другой реальности, к которой сводится символ.

Символ и образ в контексте данного третьего определения вполне могут рассматриваться в качестве синонимов и говорить либо об одном предмете, либо о предметах совершенно разных, хотя и объединенных единой ситуацией символической встречи.

В объем категории «символ», в данном случае, включается всё многообразие тварных предметов – означающих, включенных в ситуацию, в которой они становятся выявителями иной реальности, а также Божественные энергии, как нетварные выявители трансцендентной Божественной сущности.

Итак, сравнительный контекстуальный анализ всех случаев употребления в Архопагитском корпусе слов *σύμβολον* и *εἰκόν* позволил нам существенно уточнить общее содержание и объем категории «символ» в Архопагитиках. При этом впервые были выявлены и обоснованы варианты его понимания Дионисием как взаимодействия активного означаемого и созерцателя посредством означающего и как метода этого взаимодействия.

При этом выявленное трехуровневое понимание *σύμβολον* в «Корпусе» делает очевидным ответ на вопрос: «Каково соотношение между собой различных вариантов понимания данной категории?» Выявленные варианты общего понимания категории «символ» соотносятся между собой как метод взаимодействия означаемого и созерцателя, взаимодействие (или конкретная ситуация взаимодействия) означаемого и созерцателя, организованное по данному методу, и предмет – означающее, вовлеченный в это взаимодействие (или ситуацию) в соответствии с данным методом.

Кроме того, представленное понимание символа Архопагитом подчеркивает, что символ (*σύμβολον*) является главной и системообразующей категорией символично-аллегорической терминологии «Корпуса», в то время как различные термины, и в частности *εἰκόν*, отражают различные аспекты символа как метода, взаимодействия или ситуации взаимодействия разнопорядковых субъектов.

И, наконец, в контексте детального рассмотрения соотношения в «Корпусе» категорий *σύμβολον* и *εἰκόν*, были обоснованы и возможность отождествления данных понятий в некоторых случаях, и необходимость их принципиального различения. В

основе этого лежат довольно фиксированное определение автором Ареопагитик категории «εἰκόυ» и объемное трехуровневое понимание им категории «σύμβολον», что на уровне предметного понимания символа как означающего позволяет отождествлять его с εἰκόυ, а на более высоких уровнях понимания его как взаимодействия и как метода взаимодействия принципиально разводит понятия «εἰκόυ» и «σύμβολον».

Источники и литература

Источники

1. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. – СПб.: Алетейя, 2003. – 864 с. – (серия «Византийская библиотека. Источники»).
2. Corpus Dionysiacum. I. *Pseudo-Dionysius Areopagita. De divinis nominibus.* Herausgegeben von Beate Regina Sushla. Verlag Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1990 (Patristische Texte und Studien, 33).
3. Corpus Dionysiacum. II. *Pseudo-Dionysius Areopagita. De coelesti hierarchia. De ecclesiastica hierarchia. De mystica theologia. Epistulae.* Herausgegeben von Günter Heil und Adolf Martin Ritter. Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1991 (Patristische Texte und Studien, 36).
4. *Migne J.-P. Patrologia Graeca. T. III. Paris, 1857. Col. 199–1120.*
5. *Migne J.-P. Patrologia Graeca. T. IV. Paris, 1857. Col. 16–1120.*
6. *Pseudo-DIONYSIUS AREOPAGITA Scr. Eccl. et Theol. vel Corpus Areopagiticum, vel Corpus Dionysiacum (A.D. 5–6: fort. Syrius) // Thesaurus Lingua Graeco [2798].*

Литература

1. *Борытко Н.М., Моложавенко А.В., Соловцова И.А. Методология и методы психолого-педагогических исследований: Учебник для магистрантов и студ. пед. вузов: / Н.М. Борытко, А.В. Моложавенко, И.А. Соловцова; Под. ред. Н.М. Борытко. Изд. 2-е, испр. и доп. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006. – 284 с.*

2. *Бычков В.* 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetika*. В 2-х тт. Том 1. Раннее христианство. Византия. М. – СПб.: Университетская книга, 1999. 575 с. – (Российские Пропилеи).
3. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь / 5-е изд. СПб.: Издание автора, 1899. – Репринт: М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. 1370 с.
4. *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь // Alpha. Древнегреческо-русский словарь <<http://gurin.tomsknet.ru/alpha.html>>
5. *Дионисий (Шленов), иером., Фокин А. Р.* Ареопагитики // Православная энциклопедия. Т. III (Анфимий – Афанасий) / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 195–213.
6. *Доброцветов П. К.* Аллегореза и символизм как богословско-философский метод Ареопагитик. Сергиев Посад: МДС, 2007. 81 с.
7. *Доброцветов П. К.* Аллегореза как философский метод в поздней патристике («Ареопагитики», преп. Максим Исповедник): Дис. канд. филос. наук: 09.00.01 Москва, 2005. 165 с.
8. *Лосев А.Ф.* Историческое значение Ареопагитик // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 71–82.
9. *Пилипенко Е.А.* Святоотеческое богословие символа // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. 2001. № 1 (27), с. 328–349; № 2 (28), с. 310–333.
10. Словарь иностранных слов. – 7-е изд., перераб. – М.: Русский язык, 1980. – 624 с.
11. *Станчев Красимир.* Концепцията на Псевдо-Дионисий Ареопагит за образното познание и нейното разпространение в Средновековна България. // Старобългарска литература, № 3. София, 1978.
12. *Тарнапольская Г. М.* Антиномичность понимания апофатического символа у Дионисия Ареопагита. Томск, 1999. <<http://svet-nesu.ru/tarnapolskaya.htm>>
13. *Alexander (Golitzin), hieromonk.* Et introibo ad Altare Dei. The mystagogy of Dionysius Areopagita, with special reference to its predecessors in the eastern Christian tradition. – ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ: ΠΑΤΡΙΑΡΧΙΚΟΝ ΙΔΡΥΜΑ ΠΑΤΕΡΙΚΩΝ ΜΕΛΕΤΩΝ, 1994. 425 с.

14. *Andia Y.* Symbole et mystère selon Denys l'Aréopagite // *STUDIA PATRISTICA*. Vol. XXXVII: Papers presented at the Thirteenth International Conference on Patristic Studies held in Oxford 1999. Cappadocian Writers. Other Greek Writers. – LEUVEN: PEETERS, 2001. P. 421–445.
15. *Daele A.* Indices Pseudo-Dionysiani. Louvain, 1941. 159 p.
16. *Gammelli G.* Lessico Etimologico-Pratico Della Lingua Greca. FIRENZE: FELICE LE MONNIER, 1980. 209 p.
17. *Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. OXFORD: AT THE CLARENDON PRESS, 1961. 1670 p.
18. *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. OXFORD: AT THE CLARENDON PRESS, 1996. 2042 p.
19. Thesaurus Pseudo-Dionysii Areopagitae: textus graecus cum translationibus latinis. Curantibus Mihai Nasta et Cetedoc. – Brepols–Turnhout: Universitas Catholica Lovaniensis Lovanii Novi, 1993. – («Thesaurus Patrum Graecorum»).
20. Thesaurus Pseudo-Dionysii Areopagitae: versiones latinae cum textu graeco. Curant Paul Tombeur. Cetedoc. – Brepols–Turnhout: Universitas Catholica Lovaniensis Lovanii Novi, 1995. – («Thesaurus Patrum Latinorum»).

Список основных сокращений

Названия произведений, входящих в состав Ареопагитского корпуса

DN – De Divinis Nominibus – «О Божественных именах»

CH – De Celestia Hierarchia – «О Небесной иерархии»

EH – De Ecclesiastica Hierarchia – «О Церковной иерархии»

MT – De Mystica Theologia – «О мистическом богословии»

Ep. – Epistola – Письма

Sh. – Scholia – Толкования

Издания источников

Pseudo-Dionysius Areopagita. De divinus nominibus – Corpus Dionysiacum. I. Pseudo-Dionysius Areopagita. De divinus nominibus. Herausgegeben von Beate Regina Sushla. Verlag Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1990 (Patristische Texte und Studien, 33)

Pseudo-Dionysius Areopagita. De coelesti hierarchia, Pseudo-Dionysius Areopagita. De ecclesiastica hierarchia, Pseudo-Dionysius Areopagita. De mystica theologia, Pseudo-Dionysius Areopagita. Epistula – Corpus Dionysiacum. II. Pseudo-Dionysius Areopagita. De coelesti hierarchia. De ecclesiastica hierarchia. De mystica theologia. Epistulae. Herausgegeben von Günter Heil und Adolf Martin Ritter. Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1991 (Patristische Texte und Studien, 36)

TLG – Thesaurus Lingua Graeco (*электронная библиотека греческих текстов*)

PG3 – Migne J.-P. Patrologia Graeca. T. III. Paris, 1857

PG4 – Migne J.-P. Patrologia Graeca. T. IV. Paris, 1857